

Владимир Кос

Нулевая процедура

Владимир Кос
Нулевая процедура

«Автор»

2026

Кос В.

Нулевая процедура / В. Кос — «Автор», 2026

У каждого гражданина Уртании на запястье — чип. Он знает твой пульс, давление, фазу сна. Он знает, когда ты врёшь. Он знает, когда тебя надо «исправить». Ян — отказник с двадцатилетним сроком подпольной жизни. Он прячется в трубах заброшенного завода, учит детей реальной истории и готовит побег в Венталию. Его отец был убит за правду. Его мать сгинула в лагере. Сам он — живой символ сопротивления, которого режим мечтает стереть. Алиса — капитан пропаганды, дочь министра информации. Она лично проводила «нулевую процедуру» — чипирование, превращающее человека в послушную куклу. И каждый раз её выворачивало наизнанку. Их сводит лагерь 4. Она — под видом психолога, с приказом сломать его. Он — прикованный к стулу, но так и не сломленный. На первой же минуте он называет её настоящим именем. Теперь у Алисы есть выбор: выполнить приказ отца или вспомнить мальчика из детства, который учил её делать бумажные кораблики

Содержание

Глава 1. Ян	5
Глава 2. Алиса	8
Глава 3. Добро пожаловать в четвёртый	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Нулевая процедура

Глава 1. Ян

Урта-Кала, район Тёмные склады.

Труба помнила всё. Дожди. Воду по колено. Крыс, больших, наглых. Запах мочи, мазута, смерти. Да, смерти. Три трупа за семь лет. Двое сами. От холода. Одного нашли патрульные. Ян это видел. И слышал. Его посмертные крики снятся Яну до сих пор.

Ян лежал на спине, глядел в бетонную дугу. Ржавые потёки, как карта страны, где он никогда не был. Чип на запястье показал «3:47 час. Пульс 82. Выше нормы. Нужен отдых»

Он знал почему. Грузовик остановился над ним пять минут назад. Голоса. Двое.

Первый — молодой, нарочито грубый:

— Есть приказ проверить коллектор. И приказ не обсуждается.

Второй — усталый:

— Там и крыса не пролезет. Да и до конца смены двадцать минут. Меня горилка и сало ждут. Давай быстро проверим и валим отсюда.

Спорили недолго. Люк открылся. Луч фонаря ударил в стены — метрах в трёх от Яна. Он замер. Не дышал. Пальцы левой руки сжимали нож. Чёрная рукоятка. Обманчивая иллюзия контроля. Правой он касался стены — там зарубка. Двадцать семь дней в этой трубе. Рекорд. Прошное убежище накрыли на двадцать третьи сутки.

Люк закрылся. Грузовик уехал. Ян ждал. Пятнадцать минут. Потом выдохнул, сел, потянулся. Хрустнула шея. Заныла поясница. Тридцать три — а чувствовал себя на пятьдесят.

Он выполз в предрассветные сумерки. Завод. Серая грудка бетона и арматуры. Скелет доисторического ящера, мать его. Когда-то здесь делали плиты для «Великой стены Яйценко». Стену не достроили. Деньги кончились раньше. Завод остался.

Ян шёл к своей нише. Дальний угол цеха. За грудой арматуры — мешки с песком. За ними — матрас, рюкзак с инструментами, тушёнкой, крупой и дневником отца.

Шел осторожно. Мимо галереи, где висели конвейеры. Мимо пульта, покрытого птичьим помётом. Мимо ржавой бочки с дождевой водой.

Остановился. Запах. Чужой, сладковатый. Как дешёвое мыло для ограниченных. И ещё что-то. Он знал этот запах. Страх.

Ян вытащил нож.

— Выходи.

Тишина. Потом шорох. Из-за мешков вышла девочка. Лет двенадцать. Не больше. Худая. Волосы светлые, грязные, свалыные. Глаза серые, усталые, в красных нитях. В них теплится надежда. А еще решимость. Одновременно. В руке, кусок арматуры. Руки тряслись.

— Положи. — Ян кивнул на железяку. — Всё равно не ударишь.

— Откуда знаешь? — голос срывался. Но в нём была злость. Ян знал эту злость. Она была его собственной. Двадцать лет назад.

— Потому что.

Он убрал нож в карман. Сделал шаг назад. Показал пустые ладони.

— Меня зовут Ян. А тебя?

Девочка молчала. Сжимала арматуру.

— Ладно. — Он вздохнул. — Давай так. Или стоишь с этим куском до утра, или садишься. Ешь похлёбку и рассказываешь, почему ты здесь. Выбор за тобой.

Он прошёл мимо. Сел на мешки. Достал горелку, банку тушёнки, гречку, воду, армейский котелок. Не глядя на неё, начал готовить.

Она села через минуту. Арматуру не бросила, опустила.

— Зоя, — сказала тихо.

— Что?

— Меня зовут Зоя.

Ян кивнул. Помешивал похлёбку.

— Хорошее имя. «Жизнь» по-гречески. Мою бабушку так звали.

— Она жива?

— Нет. Умерла, когда меня забрали в лагерь.

Зоя помолчала. Минут через десять:

— За что тебя забрали?

— Не захотел служить. — Он протянул ей миску. — Ешь. Медленно. А то вырвет.

Она ела жадно. Давилась. Обжигалась. Ян смотрел и молчал.

Таких, как Зоя, он видел десятки. Дети неграждан. Дети полноправных, которые перешли дорогу не тому человеку. Дети, у которых отняли родителей. Дети, что бежали от отправки за границу — на потеху извращенцам.

— Мою маму забрали позавчера. — Зоя не поднимала глаз. — Патруль пришёл ночью. Я вылезла через окно. Мама кричала, чтобы я бежала. Я бежала. Пряталась. Опять бежала. Нашла твоё укрытие.

— За что забрали?

Зоя подняла глаза. В них — не только боль. Вызов. Гордость.

— Она учила меня вентальскому. А соседка, тётка Оксанка, донесла. Сука старая.

Ян замер.

— Ты знаешь, что это запрещено?

— Знаю.

— И всё равно учила.

— Это язык моей бабушки. Она была из Венталии. — Зоя поставила пустую миску на пол. — Она читала мне стихи. Сказки. Про золотого карасика и жадную старуху. Про Серого Волка и царевича. Про трёх витязей, защищавших дре внюю Венту.

Ян смотрел на неё. Что-то сжалось в груди. Его мама тоже рассказывала ему эти сказки.

— Твоя мама жива? — спросила Зоя.

Он достал из рюкзака потрёпанную фотографию. Женщина с тёмными волосами улыбается. Держит на руках младенца.

— Её забрали, когда мне было семь. За то же самое. Вентальские корни.

— Ты её искал?

— Искал. — Он убрал фото. — Нашёл могилу, через десять лет. Без имени. Просто номер.

Зоя молчала долго. Потом сказала:

— Я не хочу, чтобы моя мама стала номером.

Ян помолчал минуту:

- Тебе нужно уходить из Ургании.

— Куда?

— В Венталию.

Она усмехнулась. Горько. По-взрослому.

— Там меня назовут урганийской шпионкой. У меня нет документов. Я даже границу не найду.

— Найдёшь. — Ян достал карту. Самодельную. С пометками. — Я помогу. Есть люди. Переправляют таких, как ты. Венталия принимает. Дает новое имя, кров, учит

— Почему ты мне помогаешь? — Зоя подозрительно прищурилась. — Ты меня не знаешь. Я могу быть стукачкой.

Ян хотел сказать про человечность. Про долг. Про то, что нужно всегда оставаться человеком. Просто помогать людям. Но сказал правду:

— Потому что мне никто не помог в свое. Теперь я здесь. Прячусь как загнанная крыса. Зоя смотрела долго. Изучающе.

— Ты добрый, — сказала наконец. — Добрые долго не живут.

— Я уже двадцать лет живу. — Он усмехнулся. — Дольше, чем многие.

Он уложил её спать на свой матрас. Кусок поролона, накрытый брезентом. Она уснула мгновенно. Свернулась калачиком.

Ян сидел рядом. Смотрел на неё. Думал о своей дочери. Ларе. Шесть лет. Его глаза. Улыбка жены. Она никогда не видела отца. Только на фотографии. Там он ещё с короткой стрижкой и без шрамов.

Мира, жена, полноправная. Преподаёт литературу в школе для детей военных и полноценных граждан. Рискует всем. Каждую неделю через связного передает провиант и записку: «Жива. Лара спрашивает, как ты? Береги себя. Люблю».

Он отвечал: «Скоро всё кончится. Обещаю».

Он врал конечно. Он не знал, когда это кончится. И кончится ли вообще.

Ян достал дневник отца. Тетрадь в кожаном переплёте. Склеена скотчем. Почти развалилась. Открыл на первой странице.

Отец писал торопливо. Карандашом — в тюрьме не давали ручек.

«Сегодня мне сказали, что я враг народа. Я, который носил погоны двадцать лет. Я, который строил эту страну. За что? За то, что отказался подписать приказ о чистке Приграничья? За то, что сказал правду в глаза? Они боятся правды. Боятся больше, чем пуль. Потому что правда — единственное оружие, которое нельзя отнять».

Он перевернул страницу. Рисунок. Схема. Чип первого поколения — тот, что вживили отцу перед смертью. Рядом — приписка:

«Он записывает всё. Каждый разговор. Каждое слово. Если ты читаешь это — меня уже нет. Найди чип. В нём — имена. В нём — правда о войне. О том, кто её развязал. Почему Уртания и Венталия стреляли друг в друга. Это не наша вина, Ян. Это вина тех, кто сидит в креслах. Тех, кто устроил переворот. Ты поймешь».

Ян закрыл дневник. Чип был у Миры. В сейфе. Она не знала, как его расшифровать. Он знал. Но ему нужен был доступ к старому оборудованию в «Комитете национальной памяти». Туда могли войти только полноправные. Только те, у кого есть допуск. Или те, кто этот допуск украдёт.

Он посмотрел на спящую Зою. Завтра он отведёт её к связному. Через неделю она будет в Венталии. Новая жизнь. Может быть, счастливая.

Ян не знал, что через два месяца эта девочка станет единственной причиной, по которой он не нажмёт на спусковой крючок, глядя в потолок камеры предварительного заключения. Он не знал, что Зоя выживет.

И ещё он не знал, что завтра утром, в шести километрах от его трубы, в доме с автоматическим поливом сада, капитан Алиса Торн получит приказ, который перечеркнёт всё, во что она верила.

Глава 2. Алиса

Урта-Кала, «Голосующий квартал»

Чип разбудил Алису за секунду до будильника. Импульс в висок. Не больно. Просто напоминание: вставай.

Она открыла глаза. Потолок — белый. Идеально белый. Ни пятна. В доме отца даже пыль стерильна. Роботы-пылесосы вылизывают каждый сантиметр три раза в день.

Она не любила этот дом. Другого не было.

— Отчёт.

Чип проецировал на сетчатку: «Пuls 62, давление 115/75, сон — 6 часов 12 минут, фаза быстрого сна — недостаточная. Рекомендация: «избегать стресса».

Алиса усмехнулась. Хороший совет для капитана службы пропаганды, куратора трёх лагерей перевоспитания и дочери министра информации.

Она встала. Прошла в ванную. Включила душ. Горячий. Не тёплый. Именно горячий, такой, что краснеет кожа. Привилегия полноправных. В квартале для ограниченных воду дают два часа в сутки. И она едва тёплая.

Алиса знала это. Раньше она ездила в «серую зону». Раз в месяц. Смотрела, как живут «неполноценные». Теперь, нет. Перестала после того, как увидела мальчика. Девять лет. Собирает окурки на улице. Продавал. Покупал хлеб для младшей сестры. Одет он был прилично. Но глаза... Пустые. Сдавшиеся. Как у заключённых в лагере №4.

Алиса не спала трое суток. Чип фиксировал панику. Она принимала успокоительные. Потом перестала ездить в «серую зону».

За завтраком из овсянки, яблока и зелёного чая, она просматривала сводку. Чип листал страницы. Выделял главное красным.

«Лагерь №4: 43 новых заключённых. 12 отказников от «процедуры». 5 переведены на нулевой уровень».

«Нулевая процедура». Красивое название. Если не знать сути. Алиса знала. Она присутствовала на трёх. Первый раз смотрела, как нейрохирург в белом халате вживляет чип «Корректор-7» в префронтальную кору. Мужчина лет сорока. Учитель истории. Его преступление в том, что рассказал ученикам о войне. О том, что война с Венталией началась не из-за «вентальской агрессии». А потому, что хунта хотела полной власти.

После процедуры мужчина открыл глаза. Посмотрел на портрет Кроуна. Улыбнулся. Детская, беззащитная, идиотская улыбка. Он забыл, как его зовут. Он забыл, зачем пришёл. Он забыл, что у него есть дочь.

Алиса вышла в туалет. Её рвало. Долго. До рези в животе. Чип зафиксировал эмоциональную нестабильность. Посоветовал взять отгул...

Пискнуло сообщение от чипа «Входящий вызов. Отец».

Алиса выпрямилась. Поправила воротник халата. Отец был только на аудиосвязи. Но привычка осталась.

— Принять.

— Дочь. — Голос Виктора Торна, ровный, как бетонная плита. — Личное задание. Полная конфиденциальность.

— Слушаю.

— Завтра в лагерь №4 доставят группу особо опасных. Среди них — Ян Руднев.

Имя ударило в грудь. Сжало сердце. Чип зафиксировал: «давление 145/95».

— Тот самый? — спросила она. Внутри всё оборвалось но голос не дрогнул.

— Да. Сын Сергея Руднева. Твоего крёстного... Ты помнишь его?

Она помнила. Двор. Песочницу. Мальчика с разбитыми коленками. Он учил её делать бумажные кораблики. Ей было пять. Ему — девять. Он смеялся громко, на весь двор. Даже суровая бабушка из квартиры напротив улыбалась, слыша этот смех. Потом Сергея Руднева убили.

Официально — «при исполнении». Неофициально — Алиса случайно услышала разговор отца с каким-то генералом. «Сергей слишком много знал. Он стал опасен». Ей тогда было десять. Она не поняла, что значит «опасен». Поняла позже.

А Ян пропал. Его мать забрали через год. Алиса искала его. Сначала по-детски — спрашивала соседей. Потом уже взрослой — по базам данных. Безрезультатно. Думала, эмигрировал... или умер.

— Что он сделал? — спросила Алиса.

— Отказник. Соппротивление при задержании. Подпольная школа — учил детей истории. Ложной истории. Взлом чипов. — Отец перечислял спокойно, как список покупок. — Но главное не это. У него есть дневник Сергея. И, возможно, чип. Тот самый. Первого поколения.

— В нём записи разговоров?

— Именно. Тех, что никогда не должны были быть записаны.

Если чип попадёт к вентальской разведке, режим Кроуна получит удар. Возможно, смертельный.

— Ты хочешь, чтобы я его допросила?

— Я хочу, чтобы ты внедрилась в лагерь. Под видом психолога. — Голос отца стал тише. Почти доверительным. — Твоя задача, найти дневник и чип. Убедить Яна согласиться на нулевую процедуру. Добровольно.

— Никто не соглашается на нулевую добровольно. — Алиса смотрела в стену. — Ты это знаешь.

— У него есть дочь. Лара. Шесть лет. Живёт с матерью, полн оправной. — Отец говорил медленно, вдалбливая. — Донеси до него, откажется, жену лишат статуса, девочку отправят в интернат для детей предателей. Согласится, семья сохранит всё.

Алиса закрыла глаза. Перед внутренним взором возникла девочка из сна. Та, что пела на вентальском. У неё были глаза Яна.

— Это шантаж. То неправильно.

— Это политика, дочь. — Отец вздохнул. — В политике нет места сантиментам. Ты знаешь это лучше других.

— Когда мне начинать?

— Сегодня. Твоя легенда: лейтенант Алина Соболева, психолог, переведена из лагеря №7. Документы в системе. Вопросов не возникнет.

— А если Ян узнает меня?

— Не узнает. Ты была ребёнком. Он тоже. — Голос отца смягчился настолько, насколько это вообще возможно для человека, подписывающего смертные приговоры. — Я знаю, что прошу многого. Но это твой долг. Перед родиной.

Отец отключился. Алиса сидела неподвижно. Десять минут. Чай остыл. Овсянка превратилась в студенистую массу. Чип настойчиво предложил: «Рекомендуется завтрак. Уровень глюкозы снижается».

Она встала. Прошла в спальню. Опустилась на колени перед кроватью. Под половицей — тайник. Она сделала его в пятнадцать. Прячала дневник. Сейчас там лежали две вещи: пистолет «Вепрь-9», которым она никогда не пользовалась, и старая фотография.

Она достала фото. Двое мужчин в военной форме. Обнимаются. Улыбаются. Один — её отец, молодой, с густыми чёрными волосами. Второй — Сергей Руднев. Такой же молодой. Открытое, честное лицо. На обороте: «Братья по оружию. Навеки. 1998 год».

Алиса провела пальцем по лицам. Тогда они были друзьями. Потом один стал палачом. Второй — жертвой.

В дверь позвонили. Курьер в форме «Молниеносного». Протянул небольшой кейс.
— Вам, госпожа Торн. Лично от министра.

Алиса взяла кейс. Закрывает дверь. Открывает. Внутри, на прозрачной подложке, «Корректор-7». Чип, который стирает личность. Рядом, инструкция по активации. Служебное удостоверение на имя лейтенанта Алины Соболевой.

И записка от руки отца:

«Если не согласится — сделай это сама. Для всеобщего блага».

Алиса смотрела на чип. Маленький. Размером с рисовое зерно. Серебристый. Почти красивый. Он стоил больше, чем дом, в котором она выросла. Его цена — человеческая душа.

Она закрыла кейс. Надела форму. Вышла из дома. Машина — серая, неприметная, без опознавательных знаков, ждала у подъезда. Алиса села за руль. Завела двигатель. Чип на виске мигнул: «Маршрут до лагеря №4 — 47 минут. Желаете включить автопилот?»

— Нет. — Она сжала руль. — Я сама.

Она выехала на трассу. Город просыпался. Уличные экраны транслировали утреннюю гимнастику. Портрет Кроуна в национальной, вышитой рубашке, на заднем плане. Патрульные машины с работающими маячками стояли на каждом перекрёстке. Люди в серых пальто торопились на работу. Не поднимали глаз.

Алиса думала о Яне. О мальчике с разбитыми коленками. Он научил её, что бумажные кораблики не тонут, если сделать их из газеты. Потому что газета пропитана ложью. А ложь держится на воде дольше правды.

Она не знала, что через два часа в лагере №4 увидит не мальчика, мужчину с седыми волосами и шрамами на лице. Прикованного к стулу. И что, когда она войдёт в кабинет для допросов, он поднимет голову и скажет:

— Здравствуй, Алиса. Я знал, что ты придёшь.

Глава 3. Добро пожаловать в четвёртый

Лагерь №4, сектор «Б», семь часов утра

Машина остановилась за два километра от КПП. Алиса заглушила двигатель. Тишина. Только ветер гонял по асфальту пыль и прошлогодние листья. Чип на виске мигнул: «Вы прибыли. Рекомендуются проверить документы».

Она проверила. В третий раз за час. Удостоверение на имя лейтенанта Алины Соболевой, пластик, голограмма, микрочип. Всё настоящее, потому что всё сделано идеально. Отец не стал бы рисковать. Виктор Торн не умел рисковать. Он умел только побеждать.

Алиса вышла из машины. Серое небо низко нависало над степью. Четвёртый виднелся впереди. Бетонные башни, колючая проволока в три ряда, прожекторы на вышках, даже днём включённые. Архитектура страха. Проект главы Кроуна собственной персоной.

Она достала из бардачка кейс. Открыла. «Корректор-7» лежал на своём месте. Серебристый. Спокойный. Ждущий.

Алиса закрыла кейс. Захлопнула дверцу. Пошла к КПП.

— Ничего не бойся, — сказала она про себя. — Ты — лейтенант Соболева. Ты здесь, чтобы помогать. Ты здесь, чтобы лечить.

Чип зафиксировал частоту пульса: 98.

Шлагбаум поднялся не сразу. Охранник — молодой, с безусым лицом и чипом на виске чуть ярче, чем у гражданских — долго сверял документы. Смотрел то на фото, то на Алису. Фото было её. Только без формы. В свитере. Домашняя. Отец, видимо, сделал снимок тайком, когда она не видела.

— Цель визита, госпожа лейтенант?

— Перевод. — Алиса говорила ровно, без эмоций. — Приказ подписан паном министром.

Охранник кивнул. Провёл сканером по чипу. Алиса почувствовала короткий импульс — проверка личности. Всё чисто.

— Проходите, пани. Левое крыло. Второй этаж. Кабинет 204. Там вас ждёт господин майор.

— Какой господин майор?

— Который вас встретит.

Охранник улыбнулся. Профессионально. Пусто. Алиса не стала спрашивать дальше.

Внутри лагерь пах хлоркой, железом и чем-то сладковатым. Алиса знала этот запах. Лёгкие успокоительные — добавляют в вентиляцию. Чтобы заключённые были стоворчивее. Чтобы не кричали по ночам. Она шла по коридору. Серые стены. Серый пол. Свет белый, без теней. Стерильно. Как в операционной. Или в морге.

На втором этаже её встретил дежурный. Провёл до двери с табличкой «204. Господин майор Григорий Беляенко». Постучал. Изнутри ответили:

— Войдите.

Алиса вошла. Кабинет был маленьким, аскетичным. Стол, два стула, сейф. На столе — папка с досье, термос, стакан, ноутбук. На стенах — портрет Кроуна и карта Уртании с отмеченными лагерями.

За столом сидел мужчина. Лет пятидесяти. Коренастый. С короткой стрижкой и тяжёлым подбородком. Форма сидела на нём как влитая. Глаза — светлые, холодные. Глаза человека, который не сомневается ни в чём. Особенно в своём праве убивать.

— Лейтенант Соболева? — Он не встал.

— Так точно, господин майор.

— Садитесь.

Алиса села. Положила кейс на колени. Беляенко смотрел на неё. Долго. Оценивающе. Алиса не моргала.

— Говорят, вы лучшая в седьмом. — Он взял папку. Открыл. — Три успешных нулевых процедуры. Два добровольных согласия. Похвально.

— Я делаю свою работу.

— Работу. — Он усмехнулся. — Знаете, что мне не нравится в таких, как вы, пани лейтенант?

— Нет.

— Вы думаете, что помогаете. — Он закрыл папку. — Что стираете боль, а не личность. Что «нулевая процедура» — это милосердие.

— А это не так?

Майор наклонился вперёд. Положил локти на стол. Теперь он был ближе. Алиса почувствовала запах табака, дешёвого одеколona и ещё чего-то кислого. Болезни? Страха?

— Это так, госпожа лейтенант. — Он почти шептал. — Но не потому, что мы милосердны. А потому, что мёртвые не проходят перевоспитание. А стёртые — проходят. Идеально. Мы не лечим. Мы перезаписываем. Как дискету. Знаете, что такое дискета?

— Да, господин майор.

Он подвинул к ней лист:— Молодец. — Он откинулся на спинку стула. — Ладно. Ваш подопечный в блоке «Д». Камера 4–7. Охрана усиленная. Без моего разрешения к нему никто не входит. Вы будете иметь доступ два раза в день. По часу.

— Распишитесь.

Алиса взяла ручку. Подписала. Алина Соболева. Кровь стучала в висках. Чип молчал — она отключила мониторинг ещё в машине. Не хотела, чтобы кто-то увидел 140 на сто.

— Можно вопрос?

— Задавайте.

— Почему такой интерес к этому заключённому? Отказников у нас много.

Беляенко посмотрел на неё. Долго. Потом улыбнулся. Улыбка не дошла до глаз.

— Вы знаете, госпожа лейтенант, я не люблю, когда подчинённые задают вопросы. Но вы, другое дело. Вы, специалист из столицы. От самих верхов. — Он кивнул на потолок. — Поэтому отвечу. Господин Руднев не просто отказник. Он символ. Сын предателя. Сам учитель лжи. Его показательная нулевая процедура должна стать примером. Для всех. Кто прячется. Кто учит детей вентальскому. Кто верит, что правду можно спрятать в дневнике.

Алиса сжала ручку. Слишком сильно. Бумага смялась под пальцами.

— Я поняла.

— Вот и хорошо. — майор встал. — Проводить вас до блока?

— Я сама.

— Как хотите. — Он протянул ключ-карту. — Ваш пропуск. Не потеряйте. И ещё, госпожа лейтенант.

— Слушаю, пан майор.

— Если решите, что он не сотрудничает... — Беляенко достал из стола ещё один кейс. Такой же, как у неё. Только с красной меткой. — Нулевая процедура может быть проведена здесь. Прямо в кабинете. Без анестезии. Так быстрее.

Он поставил кейс на стол. Открыл. Внутри лежал «Корректор-7» и длинная игла. Алиса смотрела на иглу. Вспомнила учителя истории. Как он кричал. Нет, не кричал. Визжал. Сильно. Громко.

— Я справлюсь без принуждения, господин майор, — сказала Алиса.

— Уверены? Тогда приступайте.

Блок «Д» находился в подвале. Алиса спускалась по бетонной лестнице. Ступеньки скользкие. Пахло сыростью, мочой и чем-то горелым. Лампы тусклые, экономия. Полноправные не должны много видеть.

Она прошла мимо трёх постов. Автоматические двери открывались по ключ-карте. Где-то в глубине кричали. Где-то плакали. Алиса не оборачивалась.

Камера 4–7 охранялась двумя автоматчиками. Крепкие парни. Без чипов. Значит, держат здесь кого-то важного. Или опасного.

— Госпожа лейтенант. — Один из охранников козырнул. — Заключённый внутри.

— Буйный?

— Смирный. Слишком смирный. — Охранник поморщился. — Не нравится мне это. Обычно такие или сдались, или... задумали что-то.

— Откройте.

Охранник кивнул. Второй нажал кнопку. Дверь открылась с шипением — как вздох умирающего.

Алиса вошла. Камера была метра три на три. Бетонные стены. Пол, потолок, все бетон. В углу унитаз без сиденья. В другом углу, лежак из деревянного щита, покрытый чем-то серым, напоминающим одеяло.

На лежаке сидел мужчина. Он не был прикован. Не был избит, по крайней мере — не сегодня. Сидел, прислонившись спиной к стене. Одна нога вытянута, другая согнута в колене. Голова опущена. Правой рукой он медленно, механически гладил левое запястье там, где когда-то был чип.

Алиса узнала его не сразу. Она ожидала увидеть мальчика с разбитыми коленками. Увидела мужчину. Лет тридцати пяти. Короткие тёмные волосы — седина на висках. Лицо в шрамах. Один через бровь. Другой на скуле, рваный, как от удара бутылкой. Третий на шее, тонкий, белый, похожий на след от верёвки. Он был худым. Не тощим, жилистым. Руки в мозолях. Пальцы длинные, нервные.

Она сделала шаг. Второй. Мужчина не поднял головы.

— Пан Руднев?

Молчание.

— Я лейтенант Соболева, психолог. Меня прислали для беседы.

Никакой реакции. Только рука продолжала гладить запястье — туда-обратно, туда-обратно.

Алиса подошла ближе. Остановилась в двух шагах.

— Пан Руднев. Я задала вопрос.

Тишина. Потом, низкий, хриплый голос. Как у человека, который не говорил несколько дней:

— Вопросов я не слышал. Я слышал утверждение.

— Хорошо. Тогда я уточняю: вы меня слышите?

— Слышу.

— Могу я сесть?

— Камера не моя. — Он чуть повернул голову, но не поднял глаз. — Делайте что хотите.

Алиса села на лежак. Достала планшет. Положила на колени.

— Для начала, стандартные вопросы. Как ваше самочувствие?

— Прекрасно.

— Вас не избивали при задержании?

— Избивали.

— Вы хотите подать жалобу?

Он поднял голову. Посмотрел на неё. Алиса внутренне сжалась. Не потому, что взгляд был злым. Он был тяжёлым. Усталым. И внимательным. Слишком внимательным. Таким взгля-

дом смотрят люди, которые привыкли замечать детали. Которые выжили, потому что замечали детали.

— Жалобу? — повторил он. — Кому? Вам?

— Я зафиксирую и передам по инстанции.

— Передадите. — Он кивнул. Губы дрогнули. Не улыбка. Что-то горькое. — И что дальше? Тот, кто меня избивал, напишет объяснительную. Его накажут. Выговором. Или премии лишат. Я все равно останусь здесь. А через неделю меня уговорят на нулевую процедуру. Или принудят. Или просто сотрут, без всякого «добровольно».

Он помолчал.

— Я правильно понимаю последовательность, госпожа лейтенант?

Алиса выдержала паузу. Профессиональную. Её учили не реагировать на провокации.

— Вы очень циничны, пан Руднев.

— Я реалист.

— Вы отказываетесь отвечать на вопросы?

— Я отвечу. На нормальные. — Он откинул голову на стену. Закрыв глаза. — Ваши не нормальные. Вы здесь не для того, чтобы узнать про моё самочувствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.